

Материалы к биографиям ученых и инженеров

А. А. ЖИДКОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЛАДИМИРА ЛЕПЕШКИНА*

Ученый, о котором пойдет речь, получил широкую известность и признание за рубежом и почти полностью забыт на родине. Владимир Васильевич Лепешкин — крупный русский ботаник, работавший в области физико-химической физиологии растений, — вышел из знаменитой научной школы академика А. С. Фаминцына и сам, в свою очередь, воспитал в России немало учеников. В. В. Лепешкин — автор фундаментального курса «Физиология растений», написанного им еще в 1913–1914 гг. Его теория клеточного некробиоза, созданная в 1937 г., в свое время оказалась в эпицентре дискуссий вокруг проблемы реакции живого вещества на внешние воздействия [1, с. 136].

В ходе работы над архивными материалами 1920–1930-х гг. по истории финансирования советской науки зарубежными научными фондами удалось обнаружить ряд документов, проливающих свет на до сих пор во многом загадочную жизнь В. В. Лепешкина.

Владимир Васильевич Лепешкин родился в Москве 12 (24) августа 1876 г.¹ Здесь же он получил среднее образование, окончив реальное училище, после чего поступил на химическое отделение Петербургского технологического института Императора Николая I. Под руководством профессора Д. И. Иванова он сделал свою первую научную работу и по окончании полного курса в 1898 г. был оставлен в институте в качестве ассистента при ботаническом кабинете. Осенью 1899 г. В. В. Лепешкин был командирован с Высочайшего соизволения на казенный счет за границу, где в течение двух лет изучал физиологию и анатомию растений у В. Пфеффера в Лейпциге и Доделя-Порта в Цюрихе и микробиологию у А. Фишера в Лейпциге и у Йоренса в Копенгагене.

* Впервые публикуемые материалы были доложены на годичной научной конференции ИИЕТ в 1998 г.

¹ Биография дана по следующим источникам: История и современное состояние физиологии растений в Академии наук (От лаборатории академика А. С. Фаминцына до Института физиологии растений им. К. А. Тимирязева). М., 1967; Щербакова А. А., Базилевская Н. А., Калмыков К. Ф. История ботаники в России (дарвиновский период, 1861–1917 гг.). Новосибирск, 1983; Очерки по истории русской ботаники. М., 1947; Марков М. В. Ботаника в Казанском университете за 175 лет. Казань, 1980.

Кроме того, были использованы следующие периодические издания: Известия Технологического института Императора Николая I; Труды Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета; Ученые записки Императорского Казанского университета; Протоколы заседаний общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете.

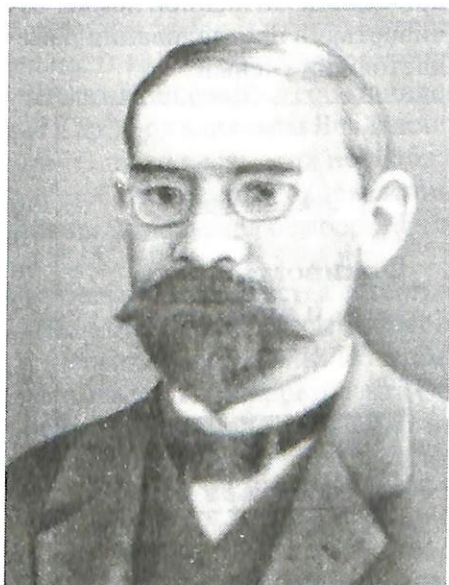
В 1901 г. Лепешкин получил в Цюрихском университете степень доктора философии и по возвращении из-за границы занял место преподавателя в Петербургском технологическом институте, где читал курсы технической микробиологии и химии углеводов и белковых веществ и вел практические занятия.

Уже в 1899 г. на заседании отделения ботаники Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей профессор Д. И. Ивановский доложил интересные работы Владимира Лепешкина, выполненные им в ботаническом кабинете Технологического института. В марте 1902 г. И. П. Бородин, А. С. Фаминцын и М. С. Воронин рекомендовали молодого ученого в действительные члены этого общества, и 28 декабря 1902 г. он был избран по отделению ботаники.

В течение последующих двух лет Лепешкин вел экспериментальные исследования под руководством Андрея Сергеевича Фаминцына в Ботанической лаборатории Академии наук, которая сыграла важную роль в развитии отечественной физиологии растений. Лаборатория быстро превратилась в известный научный центр. Помимо постоянных сотрудников Д. И. Ивановского и Д. Н. Нелюбова, в ней периодически работали «прикомандированные» ученые, многие из которых позднее стали ведущими физиологами России. Здесь Лепешкин выполнил первую крупную работу «Исследования над выделением водных растворов растениями» (1904), защищенную затем в качестве магистерской диссертации и опубликованную в «Записках Императорской Академии наук» по физико-математическому отделению [2].

За этой публикацией Лепешкина последовала другая — «Исследования над осмотическими свойствами и тургором растительных клеток» (1907) [3]. В этих работах Лепешкин дал известную схему одностороннего водного тока через растения, приводимую во всех учебниках и по сей день. Академик И. П. Бородин в своем отзыве на сочинение ученого писал: «Изложение автора производит прекрасное впечатление, свидетельствуя о ясном, строго логическом и вместе с тем критическом уме» (цит. по [4, с. 19]). В 1910 г. работа В. В. Лепешкина участвовала во втором соискании премий имени тайного советника М. Н. Ахматова и была удостоена малой премии размером в 500 рублей [4, с. 2].

Единственным способом приложения в России знаний по физиологии растений была в то время преподавательская деятельность. Для получения профессуры необходимо было представить диссертацию на ученую степень магистра, — а в столичных университетах еще и на вто-

В. В. Лепешкин

рую ученую степень — доктора. Требования к диссертациям были довольно высокие, и они представляли собой по большей части крупные научные труды.

В. В. Лепешкин как доктор философии заграничного университета должен был подтвердить свою научную квалификацию на родине, и в 1903 г. он держал экзамен на степень магистра ботаники при Варшавском университете, а в 1904 г. защищал там же магистерскую диссертацию. В течение летнего вакационного времени 1904—1908 гг. Лепешкин на средства Министерства просвещения выезжал в научные командировки за границу для совершенствования своих знаний в физиологии растений, микробиологии и химии углеводов и белковых веществ; он стажировался в лабораториях профессоров Шульце (Цюрих), Тамманна, Долецалека (Геттинген), Э. Фишера (Берлин). В 1904 г. он работал на Бородинской биологической станции в Бологом, где занимался исследованием осмоса в растительной клетке. С 1 января 1906 г. В. В. Лепешкин был зачислен в личный состав приват-доцентов Санкт-Петербургского университета по кафедре ботаники. Он также являлся преподавателем микробиологии на женских политехнических курсах Министерства народного просвещения.

В 1909 г. В. В. Лепешкин защитил диссертацию, представленную в Московский университет для получения степени доктора ботаники, и 14 марта 1909 г. утвержден Советом университета в этой степени.

Из этого краткого «*curriculum vitae*» видно, что Лепешкин, подобно многим ученым, прошел довольно сложный путь к своему призванию ученого-биолога: сначала его предметом были химия и технология. Другими словами, Лепешкин выбрал область своей деятельности не по случайному стечению обстоятельств, а вследствие особой любви к своему предмету, которая и дала ему силы преодолеть немалые затруднения и препятствия, неизбежные при всякой жизненной ломке. Это был человек с немалой энергией и настойчивостью в преследовании намеченной цели — без этих качеств немислим настоящий ученый.

Став магистром, а затем доктором, Лепешкин получил профессию по физиологии растений в Казанском университете, где вначале продолжил свои исследования осмотических явлений у растений, а затем перешел к изучению коллоидно-химических свойств протоплазмы как основы этих явлений. На замещение вакантной кафедры он был рекомендован физико-математическому факультету бывшим ординарным профессором по кафедре ботаники Казанского университета, профессором Саратовского университета А. Я. Гордягиным и профессором К. С. Мережковским. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, согласно избранию факультета и Совета университета, с 13 августа 1910 г. приват-доцент Санкт-Петербургского университета,

доктор ботаники Владимир Васильевич Лепешкин был назначен экстраординарным профессором по кафедре ботаники Казанского университета [5, с. 5–6].

В Казани он подготовил и выпустил в свет оригинальный учебник по физиологии растений, который печатался на протяжении 1912–1917 гг. в приложении к «Ученым запискам Императорского Казанского университета». Вышел он также отдельным изданием и безусловно обогатил русскую учебную литературу, наряду с общеизвестными учебниками В. И. Палладина и Д. И. Ивановского. Все три учебника довольно резко отличались друг от друга — в соответствии с тем, какой отдел физиологии растений ближе всего был связан с собственной экспериментальной работой ав-

торов. В учебнике В. В. Лепешкина особое внимание уделялось физико-химическим процессам, происходящим в растениях. К сожалению, издание этого учебника было приостановлено, и свет увидели только первые два выпуска. В 1919 г. президент Русского ботанического общества И. П. Бородин направил письмо в издательский подотдел научного отдела Наркомпроса и обратил внимание Комиссии по научному изданию трудов на то, что «было бы желательно также окончание “Физиологии растений” профессора Владимира Васильевича Лепешкина» [6, л. 16].

С приходом В. В. Лепешкина в Казанский университет встал вопрос о создании для него специальной ботанической лаборатории, которая и была выделена в 1910 г. из прежнего ботанического кабинета. В 1912 г. новая лаборатория получила и отдельное помещение. Некоторые из начинающих геоботаников (В. И. Баранов, В. А. Крюгер, А. П. Пономарев и др.) под влиянием Лепешкина включились в физиологические исследования. Однако часть этих новообращенных физиологов продолжала работать и в геоботаническом направлении, делая это «контрабандным» путем, ибо Лепешкин не допускал в лабораторию «гербарного хлама» [7, с. 18–19].

Лепешкин принимал активное участие в деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете, действительным членом которого он был единогласно избран в декабре 1910 г. по предложению Б. К. Поленова и Б. А. Келлера. С 1914 по 1921 г. Лепешкин занимал пост вице-президента Общества [8, с. 68]. Во время первой мировой войны, когда стало невозможным закупать лабораторное оборудование за границей, ученый развернул энергичную деятельность в качестве председателя комиссии «для изыскания способов удовлетворения лабораторий, кабинетов и музеев в приборах и препаратах и организации их российского производства» [9, с. 42–43].

За время своей профессорской деятельности в Казани Лепешкин подготовил несколько учеников, работавших также над проблемами осмотических явле-

ний и водного режима растений. Из них назовем А. А. Пономарева (к сожалению, рано оставившего научную деятельность), А. М. Алексеева (впоследствии занявшего казанскую кафедру), А. Е. Вотчала, Г. В. Домрачева, В. П. Сегель. Ученики профессора Лепешкина, проводившие свои исследования в ботанической лаборатории Казанского университета, ценили учителя за его неизменное внимание к их работам, за советы, особенно драгоценные для начинающих естествоиспытателей, за готовность помочь своими знаниями и опытом.

9 сентября 1921 г. постановлением Государственного ученого совета В. В. Лепешкин был утвержден профессором медицинского факультета Белорусского государственного университета [10, с. 13–14], торжественное открытие которого состоялось в июле того же года. Почему Лепешкин оставил кафедру и налаженный научный быт в Казанском университете? Скорее всего, как подсказывает социально-политический контекст того времени, его переезд мог быть связан с обещанием более благоприятных условий для научной деятельности. Впрочем, точный ответ пока не найден, это всего лишь предположение².

В начале 1920-х гг. возможности получения материальной поддержки для исследований, и ранее небольшие, резко сократились. В этих условиях чрезвычайно трудно, если вообще возможно, проводить работы, требующие аппаратуры, препаратов, лаборантов и пр. Особенно тяжелое положение сложилось в области естественных наук. Материальные трудности иссушали физические и душевные силы ученых, подрывая их творческий потенциал. Еще одной бедой советской науки было то, что она развивалась во многом изолированно от мировой, а зарубежные контакты ученых строго контролировало государство. А между тем непрерывный обмен информацией — необходимое условие для развития науки. Новая бюрократическая система активно структурировала и фильтровала информацию, особенно старательно отслеживая и перекрывая ее неформальные каналы. Советские ученые были вынуждены бороться за такое признанное в большинстве стран право, как свободные поездки за границу.

В апреле 1922 г. в Академический центр Наркомпроса РСФСР поступило ходатайство профессора медицинского факультета вновь образованного Белорусского государственного университета В. В. Лепешкина с просьбой о командировании его на четыре месяца в Берлин и другие города Германии и в Прагу. Лепешкин просил командировать его за границу с сохранением содержания по Белорусскому университету и с выдачей государственного пособия на поездку.

² В том же году увидела свет и книга Н. А. Максимова «Очерк истории физиологии растений в России». Несмотря на то что один из разделов озаглавлен так: «Представители физической физиологии растений в России: В. А. Ротерт, Н. Г. Холодный, В. В. Лепешкин, Д. А. Сабинин», ни одного упоминания о В. В. Лепешкине и его работах в книге найти нельзя (см. [11]).

В изданных Московским обществом испытателей природы в 1947 г. «Очерках по истории русской ботаники» находим такие строки: «После Октябрьской революции Лепешкин перешел во вновь открытый Белорусский университет в Минске, но вскоре, малодушно испугавшись трудностей первых лет социалистической перестройки всей жизни в Советском Союзе, уехал за границу, где и продолжает свою научную работу до настоящего времени, являясь одним из крупнейших представителей физико-химического направления в физиологии растений. Но связь его с русской наукой прервалась полностью, и он является отщепенцем (к счастью, почти единственным) в семье советских ботаников-физиологов» (с. 242).

Обосновывая необходимость этой командировки, он писал о том, что в течение двадцати лет исследует физические и химические свойства живого вещества и процессы, приводящие к смерти организма. Ученый был уверен в том, что через несколько лет работы ему «удастся предложить медицине универсальные средства против всех болезней, позволяющие в высшей степени поднять устойчивость живого организма и удлинить жизнь человека» [12, л. 238]. Для того чтобы решить эту задачу, профессору Лепешкину необходимо было личное общение с учеными, работающими в той же области. Кроме того, он считал, что его заграничная командировка будет несомненно полезна и Белорусскому университету, который находился в то время в стадии организации лабораторной и научной работы.

Первое ходатайство Лепешкина осталось без ответа со стороны Наркомпроса, — ввиду отсутствия валютных средств. Видимо, материальная поддержка науки и ученых была весьма ограниченной не только в силу скудости ресурсов, но и по идейным соображениям — ведь ученые как социальная группа не причислялись ни к новым правящим классам, ни к их союзникам.

В мае 1922 г. в дополнение к уже поданному прошению о заграничной командировке Лепешкин сообщил Академическому центру Наркомпроса о том, что им получено письмо от профессора В. Руланда (W. Ruhland) из Лейпцига, в котором последний просит приехать биолога в Лейпциг, и поскольку его приезд в Германию считается для науки необходимым, немецкие коллеги взяли на себя полное материальное обеспечение Лепешкина на время его пребывания за границей. Эта заграничная поездка была в тот момент для ученого решающей в смысле его дальнейшей работы в науке. «Без нее мне, вероятно, вообще придется прекратить научную работу», — констатирует он в своем прошении [12, л. 239].

Видимо, то, что командировка испрашивалась без валютных ассигнований со стороны Наркомпроса, и послужило поводом к удовлетворению просьбы Лепешкина. И постановлением Комиссии по заграничным командировкам от 4 сентября 1922 г. профессор Лепешкин был командирован в Германию на три месяца для окончания научных работ [13, л. 37]. В Германии Лепешкин принимал участие в съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Лейпциге, а по его окончании занялся изучением новой немецкой естественно-научной литературы в библиотеке Лейпцигского университета. Но так как немецкое консульство в Москве выдало визу ученому только на месяц, то по истечении этого срока Лепешкин для продолжения работы, по приглашению профессора Богумила Немеца (B. Nemes), переехал в Прагу и начал работать в Институте анатомии и физиологии растений, созданном в 1901 г. Немцем при Карловом университете.

В ноябре 1922 г. Лепешкин ходатайствовал перед Главнаукой о продлении срока его командировки на шесть месяцев. Экспериментальные исследования, начатые им в прекрасно оборудованной лаборатории Немеца, были настолько удачны, что Чехословацкое правительство предоставило ему стипендию на все время его работы за границей, с тем лишь условием, что он «будет о всех своих научных исследованиях докладывать Пражской Академии наук». В своем про-

шении Лепешкин добавляет, что стипендия предоставлена исключительно на время командировки и не имеет никакого отношения к Русскому комитету в Праге [12, л. 246].

Когда вопрос о продлении командировки начал рассматриваться в соответствующих советских органах, заведующий Главнаукой И. И. Гливенко направил письмо (с грифом «лично», «секретно»!) председателю Комиссии по заграничному снабжению Наркомпроса в Берлине З. Г. Гринбергу с просьбой оказать содействие по выяснению вопроса о профессоре Белорусского университета В. В. Лепешкине и, в частности, просил узнать о характере стипендии, получаемой им в Праге [12, л. 248].

Становление науки в нашей стране было связано с принятием на себя государством всех забот о ее кадровом, информационном и материальном обеспечении. Неудивительно поэтому, что факт предоставления Лепешкину иностранной стипендии для работы в Карловом университете был настороженно встречен советскими официальными властями. И уже совсем недопустимой была мысль о возможности выделения указанной стипендии Русским комитетом в Праге — организацией содействия русским эмигрантам в Чехословацкой республике. Действительно, с начала 1920-х гг. в Чехословакии, по инициативе президента Т. Масарика, премьер-министра К. Крамаржа, министра иностранных дел Э. Бенеша, проводился редкий в истории акт гуманности и бескорыстной помощи — «Русская акция», в рамках которой была организована и помощь русским научным работникам и профессорам. Прага стала свободным русским научным центром как раз в те годы, когда свобода науки на родине была объявлена несовместимой с существующим в России строем.

Исследования Лепешкина не могли финансироваться Русским комитетом, так как он не имел статуса эмигранта и находился за границей по командировке Наркомпроса. Официального разрешения на продление командировки Лепешкину, видимо, так и не удалось добиться. Скорее всего, этот факт, наряду с невозможностью поставить экспериментальные исследования в России, а также неудовлетворенность социально-политической обстановкой в стране послужили мотивом к невозвращению ученого на родину.

Дальнейшая жизнь и творчество В. В. Лепешкина — уже предмет исследований по истории русского научного зарубежья.

С октября 1923 г. профессор Лепешкин начинает преподавать в Русском народном университете (РНУ) в Праге [14, л. 115], возникшем как постоянное учреждение из общедоступных лекций и эпизодических курсов, устраивавшихся в 1922–1923 гг. культурно-просветительным отделом Земгора. Уже во второй половине 1924/25 учебного года Лепешкин стал председателем Отделения естественных и прикладных наук РНУ, сменив на этом посту профессора М. М. Новикова, бывшего ректора Московского университета. За годы преподавательской работы в РНУ в Праге Лепешкин прочитал несколько лекционных курсов: «Мир невидимых организмов», «Живое и мертвое в природе», «Коллоидальное состояние тел как основа жизни» и др. Благодаря любезному разрешению профессора Немеца в лабораториях Карлова университета удалось организовать практические занятия по курсам профессора Лепешкина.

Ученый принимал активное участие в семинаре М. М. Новикова по общим вопросам естествознания и в общественной жизни РНУ: состоял членом куратория Общества РНУ и членом президиума Совета преподавателей университета.

В 1924 г. в Праге в серии «Современное естествознание и техника» вышла книга В. В. Лепешкина «Организм с точки зрения химии и физики»³, где автор вновь поднимает вопрос о явлении смерти и возможности ее устранения. В своей биографической книге «От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике» профессор М. М. Новиков вспоминал об одном из дискуссионных вечеров, проходивших в Праге, на которых приглашенные специалисты при участии публики разбирали наиболее интересные проблемы науки и искусства. Один из таких вечеров запомнился Новикову особенно ярко. Он был посвящен вопросу о возможности изготовления протоплазмы, т.е. искусственному созданию простейшего живого организма. «Мой приятель Лепешкин, европейски признанный авторитет по изучению протоплазмы, — писал Новиков, — утверждал, со своей материалистической точки зрения и вопреки моим скептическим замечаниям, что это возможно. В порыве спора он заявил, что поедет в Америку, где ему предоставляют для его опытов громадные средства, и что он рассчитывает годика через два привезти в Европу искусственный живой организм» [15, с. 342]. Это происходило в 1920-х гг. После этого профессор Лепешкин, как писал Новиков, несколько лет работал в Америке, издал ряд почтенных трудов, но об искусственной протоплазме ничего не было слышно. «Думается, что человечество и не услышит об этом никогда, — заключал Новиков. — Конечный предел знания, т.е. абсолютная истина, образование вселенной и возникновение живых существ с их внутренней активностью недоступны для ограниченного человеческого разума. Или, может быть, правильнее сказать, что они отодвинуты в бесконечность, постоянно влекущую к себе наш ум, но недостижимую для него» [15, с. 342].

В середине апреля 1927 г. на заседании Отделения естественных и прикладных наук Лепешкин сообщил о возможности своего отъезда на неопределенное время в Соединенные Штаты Америки и предложил на время своего отсутствия передать председательствование в Отделении своему заместителю профессору Н. М. Могилянскому [16, л. 12].

В Государственном архиве Российской Федерации среди фондов Русского зарубежья сохранилось девять писем В. В. Лепешкина к М. М. Новикову. Именно эти письма и явились источником для написания «зарубежной биографии» ученого. Первое письмо датировано 29 января 1928 г. и прислано из Урбаны, штат Иллинойс, последнее — от 7 сентября, по всей видимости 1939 г., прислано из Вены.

Летом 1927 г. Лепешкин по приглашению одного из университетов в Сент-Луисе (штат Миссури) приехал в Америку, где в течение первого семестра 1927/28 академического года читал лекции. Кроме того, он был приглашен на торжества по случаю открытия нового биологического института (Rebstock

³ До недавнего времени эта книга находилась в спецхране Российской государственной библиотеки.

Biology Hall) в Сент-Луисе. Речь Лепешкина на открытии этого научного учреждения была напечатана в «Science» [17, л. 2].

По окончании семестра он предпринял поездку по Соединенным Штатам, во время которой выступал с публичными лекциями: в Пенсильванском университете в Филадельфии (эта лекция передавалась по радио по всей Америке), в Колумбусе, Чикаго, в Корнельском университете в Итаке и Мичиганском университете в Анн-Арборе. Второй семестр Лепешкин провел в Урбане (штат Иллинойс), где, по его словам, находилась одна из лучших американских университетских лабораторий [17, л. 2].

В своих письмах Лепешкин очень интересно описывает американский образ жизни и то, как ему и его семье приходится к нему привыкать. С каждым посланием в Европу летят жалобы на недостаток общения: «Живут американцы довольно скучно. Бывают друг у друга редко. Единственное развлечение кинематограф...» [17, л. 3 об.]; «Мы начинаем постепенно втягиваться в американскую монотонную жизнь. Даже в movies (кинематограф) начинаем ходить чаще и чаще <...> Русских в Урбане только двое — студенты. Знакомство, ввиду разницы в letech, не налаживается» [17, л. 5]; «Русские профессора в Америке не ищут русского общества» [17, л. 11].

В Праге ждали возвращения Лепешкина к преподавательской работе в РНУ, о чем свидетельствует его переписка с Новиковым. Лепешкин же не знал, насколько затянется его пребывание в США и когда он сможет вернуться в Европу. «В общем профессорская жизнь здесь не очень привлекательна, — констатирует ученый. — Что касается моей поездки сюда, то, конечно, я ей доволен, т.к. я увидел Америку и нажил кое-какие деньжонки» [17, л. 2]. Летом 1928 г. он пишет Новикову: «...Я не собираюсь остаться в Америке, и по мере того, как я более и более знакомлюсь со здешней учебной жизнью, для меня выясняется далеко не блестящее положение преподавания в университетах. Хотя денег очень много, но вся организация неблагоприятна для развития науки. Положение профессоров, независимо от материальных условий, неважное...» [17, л. 5].

Летний семестр 1928/29 учебного года В. В. Лепешкин провел в Калифорнийском университете в Сан-Франциско и Беркли, выезжая с лекциями в Стенфордский университет, Лос-Анджелес и на морскую биологическую станцию на Тихом океане. Новиков в своих письмах из Праги сообщал о деятельности РНУ, о жизни русской эмиграции в Европе, о новостях из России. Привозили новости с родины и приезжие. Из такого обмена мнениями Лепешкин вынес надежду на возвращение домой: «Интересно было узнать также, что появились опять надежды на возможность политического кризиса в России. Несомненно, что положение там становится все более и более невозможным, и хотя терпение у русских мужиков большое, но все же не бесконечное. Будем, следовательно, надеяться на скорое свидание в России» [17, л. 9]. Это он писал в 1928 г.

В том же году в Советской России шла кампания по выборам в члены Академии наук СССР. В числе других кандидатов поступило предложение выдвинуть и некоторых уехавших ученых, в том числе В. В. Лепешкина. Для того чтобы такое выдвижение состоялось, необходимо было выяснить, утратил ли он советское гражданство, так как Устав Академии требовал избирать только

граждан СССР. На родине знали, что профессор Лепешкин желал бы снова работать в СССР. Но академик И. П. Бородин, бывший в тревожные 1917–1919 гг. вице-президентом Российской академии наук и состоявший в переписке с Лепешкиным, рекомендовал ему не возвращаться в СССР до окончания большой работы в Америке [18, с. 176].

В январе 1929 г. стало ясно, что надежды прочесть курс в РНУ в Праге не смогут осуществиться. Лепешкин получил место заведующего биохимической лабораторией во вновь созданном научном институте (The Desert Sanatorium and Institut of Research) в Тусане (штат Аризона) [19, л. 10]. «Мои обязанности будут состоять исключительно в продолжении моих научных работ над протоплазмой. Новая лаборатория, передающаяся в мое распоряжение, обставлена по-американски (\$60000 на инвентарь). Жалование хорошее, выше профессорского», — писал он Новикову в Прагу [17, л. 10]. За время своего пребывания в Тусане Лепешкин провел целый ряд важных работ, касающихся коллоидальной структуры протоплазмы. Он и сам констатировал: «Я никогда не работал так много экспериментально, как теперь» [17, л. 12].

В августе 1930 г. Лепешкин предполагал приехать в Европу для участия в Международном ботаническом конгрессе в Кембридже, где он был избран Организационным комитетом конгресса вице-президентом физиологической секции. Но в Европу ученый вернулся только летом 1933 г.

Шесть лет прожил Владимир Васильевич с семьей в Соединенных Штатах, и, вернувшись в Европу, он писал: «Вся Америка представляется мне каким-то сном. Столько новых людей, новых городов, новых условий жизни промелькнули у нас перед глазами! Хватит воспоминаний до конца жизни» [17, л. 7 об.]. Некоторое время он с семьей живет в Барселоне в Испании. В апреле переезжает в Вену, где работает в Физиологическом институте медицинского факультета университета. «Институтом, где я работаю, я очень доволен. Более заботливого отношения я никогда и не видал. Работать здесь очень удобно», — сообщает Лепешкин Новикову [17, л. 7]. Для содействия его научной работе Министерство образования Австрии назначило ему стипендию [17, л. 1]. В 1938–39 гг. Лепешкин путешествует по Югославии и работает в Загребе, после чего вновь возвращается в Вену.

Еще в 1934 г. Лепешкин писал: «Мы не думаем в скором времени возвращаться в Америку, хотя позволение на возвращение сохраняем. Совершенно неизвестно, как все на свете обернется» [17, л. 14]. В Венском университете Лепешкин проработал до 1944 г. С 1947 г. (и, видимо, до конца жизни) ученый снова в Соединенных Штатах, где работал в военно-морском институте медицинских исследований в штате Мериленд [20, с. 669].

После 1955 г. имя В. В. Лепешкина не встречается в справочниках. Его сын Евгений Лепешкин, родившийся в 1914 г. в Казани, стал известным кардиологом, автором научных трудов по кардиохирургии.

Таковы на сегодняшний день основные сведения о жизненном пути В. В. Лепешкина, документально подтверждаемые историческими источниками. Многое еще предстоит выяснить. Его огромное и разнообразное творческое наследие достойно специального изучения.

Литература

1. Насонов Д. Н., Александров В. Я. Реакция живого вещества на внешние воздействия. Л., 1940.
2. Лепешкин В. В. Исследования над выделением водных растворов растениями // Записки Императорской Академии наук. Сер. 8. СПб., 1904. Т. XV. № 6.
3. Лепешкин В. В. Исследования над осмотическими свойствами и тургором растительных клеток // Записки Императорской Академии наук. Сер. 8. СПб., 1907. Т. XXII. № 2.
4. Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорской Академией наук. Пг., 1915. Т. V.
5. Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1911. Т. 78. Кн. 11.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф 2306. Оп. 69. Д. 95.
7. Баранов В. И. О жизни и работе А. Я. Гордягина // Ученые записки Казанского государственного университета. Кн. 6. Вып. 1. Казань, 1933.
8. Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете 1913–1914 гг. Казань, 1915. Т. 45.
9. Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете 1914–1915 гг. Казань, 1915. Т. 46.
10. Кожушков А. И., Яновский О. А. Белорусский университет: Хроника событий (1919–1989). Минск, 1990.
11. Максимов Н. А. Очерк истории физиологии растений в России // Труды Института истории естествознания. М., 1947. Т. 1.
12. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 561.
13. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 174.
14. ГАРФ. Ф. 5899. Оп. 1. Д. 73.
15. Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952.
16. ГАРФ. Ф. 5899. Оп. 1. Д. 118.
17. ГАРФ. Ф. 6767. Оп. 1. Д. 50А.
18. Переченок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1.
19. ГАРФ. Ф. 6767. Оп. 1. Д. 7А.
20. American men of science. A biographical directory. 9-th ed. Vol. II. Biological Sciences. N. Y., 1955.